

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ

Из творений
МИТРОПОЛИТА
ВЕНИАМИНА
(ФЕДЧЕНКОВА)

митрополит Вениамин (Федченков)

Молитва Господня

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=144593

Молитва господня: Сибирская Благовонница; М.; 2010

ISBN 978-5-91362-280-8

Аннотация

Книга «Молитва Господня» не так давно была доступна лишь инокам Псково-Печерского монастыря, поскольку машинописный экземпляр ее находился в келье у одного из старцев обители. Автор книги, митрополит Вениамин (Федченков) – выдающийся иерарх Русской Православной Церкви – прожил долгую, нелегкую, но интересную жизнь, всецело отданную служению Богу, Святой Церкви и народу Божию. Живая вера в Бога, в заступничество Божией Матери и святых дышат в каждой строчке творений Владыки.

Содержание

Предисловие	7
Молитва Господня	10
Главная мысль Молитвы Господней	11
Начало Молитвы Господней: «Отче наш»	20
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Митрополит Вениамин (Федченков) Молитва господня

Предлагаемая книга митрополита Вениамина (Федченкова) – «Молитва Господня» долгое время была доступна только инокам Псково-Печерского монастыря, так как единственный машинописный экземпляр этой книги хранился в келье у одного из старцев этой обители.

Автор книги, митрополит Вениамин (Федченков; 1880–1961) – выдающийся иерарх Русской Православной Церкви – прожил долгую, трудную и интересную жизнь, всецело отданную служению Богу, Святой Церкви и народу Бо-

жию. Господь судил ему проходить жизненное поприще в годы суровых испытаний, выпавших на долю нашей Церкви и Отечества. Ему довелось быть свидетелем и участником многих событий нашей недавней истории, познать горечь изгнания и радость второго обретения родины. Он хорошо знал жизнь народа, поскольку родился и получил воспитание в крестьянской семье, но не менее хорошо он знал деяния и помыслы сильных мира сего. Даже если просто назвать некоторые имена этих людей, то станет ясно, насколько широк был круг общения Владыки. Он встречался и имел беседы с императором Николаем II и его супругой Александрой Федоровной, митрополитом Сергием (Страгородским, впоследствии Патриархом) и митрополитом Антонием (Храповицким), епископом Феофаном (Быстровым), П. Н. Врангелем и многими, многими другими выдающимися деятелями. Он всю свою жизнь по крупице собирал духовную мудрость в беседах и встречах с «большими людьми» и щедро делился этим своим духовным богатством с читателями своих книг.

Творения владыки Вениамина, к счастью, сохранились до наших дней, хотя местонахождение многих его работ до сих пор неизвестно. Судя по тому, что дошло до нас, его всегда привлекала тайна святости. Живая вера в Бога, в заступничество Божией Матери и святых дышат в каждой строчке творений Владыки.

О вещах высоких, Небесных он говорит просто, задушев-

но и доверительно.

Последние годы своей жизни владыка Вениамин провел на покое в Псково-Печерском монастыре. Старожилы обители до сих пор помнят его проникновенные проповеди, которые многие слушали со слезами радости и умиления. Владыке дано было от Бога не только проникнуть в сокровенные тайны Царства Божия, но и удивительно просто и доходчиво поведать об этих тайнах своим слушателям и читателям.

Первоначально издававшаяся в форме отдельных выпусков «Псково-Печерских листков» замечательная книга митрополита Вениамина в цельном виде представляется широкому кругу читателей.

От издателей

Предисловие

Поводом к дерзновенной попытке написать истолкование Молитвы Господней послужило случайное обстоятельство. Одно лицо, даже неправославного исповедания (но глубоко сочувствующее Святому Православию), наблюдая современное «христианское» общество разных исповеданий, пришло к печальному и ужаснувшему его факту: люди почти не молятся! Мир весь запутался в неразрешимых вопросах разного рода. Все в беспокойстве и ожидании еще худших бедствий. Все ищут разрешения мировых узлов. И почти не молятся Богу о помощи в столь великих бедствиях... Мало того, верующие разных направлений, даже и те, которые исповедуют себя открыто христианами, все-таки ищут разрешения мучительных вопросов теми же путями, как и неверующие разных ступеней, то есть умом, политикой, войной, соглашениями, а не молитвой к Премудрому. Хуже того, заявляя себя верующими, люди в постоянной ежедневной жизни или не молятся совсем, или ограничиваются посещениями своих приходских храмов в известные праздничные дни (если только еще делают это).

Наступило какое-то время «пустой» веры! Еще если и «говорят» о Боге, – то Ему не молятся, точно Его и нет вообще, и для них в частности. Если прежде повторяли слова апостола Иакова: «Вера без дел мертва есть», то теперь приходится

добавлять: «Вера без молитвы – мертва». Исчезает из жизни молитва. И такое опустошение души привело данное лицо в мучительное, ужасное состояние: если не молятся, то дело плохо! Ища какого-нибудь душевного выхода, соответственного обыкновенным правилам рядового отдельного человека, это лицо решило выпустить книжечку о молитве. Для этого оно остановилось на Молитве Господней. Причины понятны. Во-первых, авторитетность этой молитвы исключительна: ее дал миру Сам Бог, Спаситель наш Иисус Христос. Значит, и нужно молиться. Во-вторых, эта молитва самая распространенная среди христиан. В-третьих – она общая для разных Церквей. А в четвертых – и это самое важное – в этой молитве Господь указал человечеству на содержание наших молитв – как и о чем нужно молиться. Никто уже не осмелится возражать по этому вопросу, ибо Сам Богочеловек дал такую, а не иную молитву. Так и должно молиться.

А чтобы заинтересовать читателей вопросом о молитве вообще, и Господней в особенности, это лицо захотело предпослать читателям книжечки толкования Молитвы Господней тремя основными исповедованиями: православным, католическим и протестантским; чтобы верующие разных исповеданий могли заинтересоваться и книгой и молитвой. С подобной целью это лицо обратилось и ко мне, как представителю Православной Церкви, с просьбой дать какое-либо авторитетное толкование Молитвы Господней.

У нас есть краткое истолкование ее в катехизисе, но это-

го было недостаточно: нужно было более обширное и отвечающее современному состоянию умов и душ читателей. В нашей литературе есть специальная книга, изданная известным богословом епископом Феофаном Затворником, где им собраны воедино толкования знаменитых отцов Церкви – Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Максима Исповедника и др. Но этой книги теперь за границей невозможно достать. Есть толкование у епископа Игнатия (Брянчанинова), но оно является слишком возвышенно-аскетическим, не под силу обычному верующему. Есть на английском языке толкование Иоанна Кассиана Римлянина (православного), коим пользовался и епископ Игнатий; но и его толкования аскетичны. Поэтому я и дерзнул записать то, что мне приходилось читать и переживать. Бог да поможет и мне и читателям получить от этого пользу.

Молитва Господня

Отче наш, Иже еси на небесех!
Да святится имя Твое,
да приидет Царствие Твое,
да будет воля Твоя,
яко на небеси и на земли.
Хлеб наш насущный даждь
нам днесь;
и остави нам долги наша,
якоже и мы оставляем
должником нашим;
и не введи нас во искушение,
но избави нас от лукаваго.
Ибо Твое есть Царство
и сила и слава во веки. Аминь.

Главная мысль Молитвы Господней

Обычно при толкованиях Молитвы Господней изъясняются отдельные части (или прошения) её, а потом и отдельные слова. И я не помню, чтобы где-нибудь мне пришлось читать общий синтез (обзор или сводку) этой молитвы – т. е. её основную мысль, главный дух, который проникает все отдельные части и даёт общий тон ей. Во всяком случае я и сам нередко задавал себе этот вопрос, но не сразу находил на него ответ: отдельные, частные моления еще понимались так или иначе, но обобщить их в нечто цельное, единое, господствующее было трудно. Но если мы теперь задаёмся це-

люю разъяснить по мере наших скудных сил эту молитву, то естественно задаться прежде всего целью вскрыть эту основную, всепроникающую мысль и дух её. И не может быть, чтобы в Божественной молитве Господа Иисуса Христа были бы указаны только отрывочные мысли, не связанные единым центром. Наоборот, тут мы особенно обязаны усмотреть цельность и единство уже по одному тому, что религиозная жизнь требует исключительной сосредоточенности, концентрации всего человека, всецелой устремленности души. Как Сам Бог есть высочайшая Простота, Единство, свободное от всякой сложности и разделённости, так и от молитвенников Своих Он требует того же. И потому Слово Его, Сын Божий, в данной Им молитве непременно должен был дать нечто цельное, единое, всеохватывающее, как и Он Сам был един со Отцом. Какая же это главная мысль? Каков основной дух Молитвы Господней? Что в ней центральное, объединяющее?

Когда я, малосмысленный и грешный, задумывался над этим вопросом, то нелегко вскрылся мне ответ. И лишь после выяснения всех отдельных прошений этой молитвы мне с Божией помощью удалось узреть необыкновенное единство всей молитвы. И оно потом оказалось таким простым и необходимым, что даже и невозможно думать иначе для верующего человека. В самом деле, задумаемся немного об основном вопросе религии (каких бы то ни было даже): в чём суть веры? – в Боге! Вот очевидный и обязательный ответ. Бог

– всё для верующего. Всё, решительно всё, без малейшего ограничения, должно быть отдано Богу. Всякое раздвоение, обособление от Бога чего бы то ни было должно почитаться уже ущербом веры или даже изменою Богу. Конечно, это трудно в жизни, но в идеале, в цели так должно быть. И Сын Божий не мог иначе учить людей молиться, как только при всецелой отданности Богу. Он и Сам так молился и жил, творя не Свою волю, а волю Отца, и учеников мог учить тому же самому. Потому и наставлял: «Возлюби Бога Твоего всем сердцем твоим, всею мыслию твоею, всем разумением твоим». Без остатка. И ещё: «Не можете Богу работать и маммоне». Бог, как единственное благо – «никто же благ, токмо един Бог», – говорил Сын Божий. Как единый «Сущий», как единственный источник жизни, и всякого благобытия, и блаженства, и смысла, и цели всего существующего, сотворенного Им, – Бог должен быть единственным предметом молитвы и жизни для твари – не только для ангелов, но и для людей. Если мы теперь, хотя бы кратко и просто, без особого углубления, окинем общим взором всю Молитву Господню в целом и отдельных частях её, то совершенно легко узрим эту основную идею, которая выражается именно одним этим словом – Бог. Или сказать более пространно: всё к Богу и всё от Бога.

Уже самое обращение к Богу, самые просьбы к Нему, как Единому Дародателю всего, приковывает сразу нашу душу к Нему: мы устремляемся сердцем и умом «туда», к Нему. И

содержание последующих молитв-просьб покажет нам, что действительно Он – единый центр всего и для всего – как на небе, так и на земле. И даже самая форма прошения – «дай», «оставь», «избавь», и обращение к Богу, как живому слушателю молитв, во втором лице – «имя Твое», «Царствие Твое», «воля Твоя», как впрочем, и в других молитвах, – всё это вводит наш дух в непосредственное общение с Богом. Человек весь устремляется к Богу. И так во всей Молитве Господней. Единственное место, где упоминается о «земле» (третье прошение), не нарушает этой основной сосредоточенности в Боге, как увидим, а наоборот, ещё более утверждает её. Подобным образом и упоминание о «хлебе насущном» является лишь новым подтверждением всецелой обращенности души к Богу, за самым незначительным попечением её о необходимейшем. А все прочее прямо относится к Богу. И потому можно и должно сказать, что основная идея, главная мысль Молитвы Господней есть Бог; сущность обращенности души – Бог.

Вторая, и уже выводная, мысль из этой первоосновной, есть идея об отношении к миру. Иногда (особенно у мирских толкователей) проявляется склонность использовать слова Молитвы Господней для оправдания этой земной жизни, для освящения всей человеческой многосуеуности в создании культуры или, как принято было говорить, для создания «царства Божия на земле». Для этого такие толковники старались всемерно приспособить слова молитвы «да при-

идет Царствие Твое» – на землю, на социально-моральное устройство гражданских порядков, и «да будет воля Твоя»... на земле. Такая тенденция особенно была и есть у протестантских направлений и обществ, а одно время, у так называемых живоцерковников и обновленцев, захватывала довольно широкие круги не только интеллигенции («неохристиан» Санкт-Петербурга), но даже и значительные ряды духовенства в России. И доселе можно часто наталкиваться на подобное умозрение у верующих. Но не входя в рассмотрение этого вопроса по сути в данном отделе, должно, однако, с решительностью сказать, что в Молитве Господней не только нет подобного материала, но наоборот, она вся проникнута совершенно противоположным духом мироотречения, надземности. Конечно, не всякому из нас это может нравиться; человек может даже протестовать, бунтовать против такого направления христианства – это его дело, его свободный выбор; но использовать Молитву Господню для подобной «заземлённой» цели значит идти против очевидной истины. В самом деле, в этой молитве, как раз наоборот, всё отвлекает нас от земли, отрывает от привязанности к ней и от многозаботливости, влечёт к тому же Единому, от Которого – всё. Достаточно бегло просмотреть прошения, и мы увидим, что вся молитва носит надземный характер. А указанные прошения о «земле» только еще сильнее утверждают нас в том, как мало отводится ей места: всего лишь «хлеб» – один, да и то только на один всего день. Другие прошения, приводи-

мые выше, ещё сильнее говорят не о привязанности к земле, а, наоборот, о небесном, о Боге. И это совершенно необходимо: мироотречение есть лишь обратная сторона религии, мера любви к Богу. И не может быть иначе в молитве, данной нам Самим Богом – Сыном Божиим. Он пришел звать нас не к земле, а от земли к небу!

Третье, менее выпуклое общее направление молитвы можно обозначить обычно употребляемым словом – спасение души. Это особенно можно видеть в последних трех прошениях (о грехах, искушениях и лукавом); но им проникнуты и прочие слова молитвы. Можно выразиться еще иначе: характер Молитвы Господней – духовный. Об этом нет нужды распространяться много: всякая религия имеет целью не материальное попечение о человеке, а духовное – душу его.

Если же последние два общих, основных признака являются выводными из первоосновного, то можно повторить, что главная мысль Молитвы Господней – есть устремление к Богу. Всё к Богу, всё – от Него.

В дополнение же к этому мне хочется оттенить ещё одно душевное настроение, которое должно пребывать в нашем сердце при чтении этой молитвы – настроение надежды.

Молитва Господня с самого первого слова её «Отче» – Отец – и до просьбы об избавлении от лукавого, и с заключительным обоснованием наших просьб (что мы все – в Царстве Его, что всё – возможно Ему, что всё это для Его же славы) – вся она вводит нас в такое упование на Бога, как

родные дети надеются на отца, на мать. И эта надежда не есть простое легкомыслие, вызываемое нашей греховной слепотой, нет! это – христианское благовестие Христова Евангелия, которое Он Сам не только преподал нам в словах, но и исходатайствовал его на Кресте Своем. И потому, пусть приступает всякий из нас – как бы даже ни был грешен – с этим светлым настроением надежды! Ведь Бог только того и желает, чтобы давать, святить, спасать, избавлять нас! И притом Он все это делает Сам, нам же остается лишь просить Его, молиться!.. Так мало!.. Так легко!.. И даже от грешника не требуется в молитве ни подвигов особых, ни усиленной собственной борьбы, а лишь просить: оставь, прости, покрой!!! Разве одно лишь ставится условие – «как и мы прощаем». А в прочих прошениях не ставится уже никаких наших дел. Только молись, только проси! И Он все устроит... Даже и о «хлебе» позволено молиться, хотя и совсем не высоко это для верующего. Значит, и с нашими маленькими нуждами мы с надеждой можем прибегать к нашему Отцу. И потому, когда читаешь Молитву Господню, пусть в твое сердце войдет мирный дух, дух надежды, что Он всё слышит, что Он всё может, что Он всё хочет сделать нам (благое). Пусть не подходит дух лукавый с внушениями, что Бог есть суровый Судия, что Он всегда наказывает нас, что Он не простит, что Он не даст! Нет, нет! Он – Отец и всё дает даром: только проси и молись по-детски, с доверием, с несомненной надеждой. И эта надежда самая будет Ему лучшей жертвою с нашей

стороны, вместо всяких собственных наших подвигов и добрых дел. Именно так молиться научил нас не человек, а Сам Сын Божий – Бог! Он знает, как нужно молиться нам. Но с самого начала приступания к молитве нам нужно установить себя в указанных основных состояниях: устремиться всецело к Богу и непременно с надеждой на Него, оставив позади себя «всякое житейское помышление» за малым изъятием (хлеб); и это опять – ради Бога же.

Есть и ещё одно общее для всех прошений молитвенное состояние: это редко нами замечаемое моление не в одиночку, не от себя, не за себя лишь, а за всех, от имени всех нас. Но эту особенность – очень важную (и очень часто забываемую нами практически) – мы оставим до толкования подробностей Молитвы Господней. А сейчас лишь кратко заметим ее... И не забудем! Не забудем по одному уже тому, что о всеобщности молитвы мало кто из нас думал и думает. Многие же просто впервые слышат об этом. Было и бывает часто это забвение и с нами недостойными.

Ещё я нахожу полезным внести маленькое успокоение в наши земные сердца и умы. У нас на земле так много забот, печалей, нужд, вопросов, бед, скорбей, задач и личных и служебных, общественных и мировых, что иной невольно смутится и впадет в малодушие от такой «строгости» и надмирного духа Молитвы Господней: неужел и Бог не позволил просить Его о наших, пусть и не высоких, но больных нуждах? Неужел и Ему нет дела до наших маленьких и боль-

ших бед? Неужел и Ему не до нашей несчастной планеты с её миллионами бедных детей Его?

Нет, дорогие братья, это не так! Не для огорчения дана нам эта молитва, а для успокоения, и мира, и радости ещё здесь, на земле. Не забыты мы с нашими нуждами. Но вопрос лишь в том, какой путь удовлетворения их? какой выход из скорбей наших? И ответ на это даётся в Молитве Господней. Правда, этот ответ не таков, к какому мы привыкли – ответ особенный, Божественный, премудрый, поразительно простой при своей глубине. Но ответ есть. И если бы мы следовали ему, то насколько бы легче разрешались и все «мировые», общественные вопросы! Правда, ответ этот – возвышенный, ибо Божественный, ответ идеальный, как и вся молитва, но он дан. И ответ этот – посильный для людей, как и всё Христово учение.

Начало Молитвы Господней: «Отче наш»

Отец наш!

Молитва Господня начинается обращением или воззванием. Это и необходимо, и естественно. Во всякой беседе с кем бы то ни было, во всякой просьбе мы начинаем с имени того, к кому обращаемся, а при важных случаях называем и чин или положение его. И эти обращения с первого же момента показывают на отношения обеих сторон друг к другу. В заголовке таком сразу проявляется и чувствуется тот основной дух, которым потом будет проникнуто прошение, или беседа, или письмо одного к другому. Притом, чтобы наименовать кого-либо известным именем, титулом, прилагательным словом, нужно, чтобы то лицо, к кому мы обращаемся, действительно было таковым и чтобы я знал это и чувствовал это, а если оно – выше меня, то чтобы мне было позволено так или иначе именовать его. Обращение – это сокращение отношений между двумя лицами, это фундамент, на котором будет стоять вся последующая просьба, беседа, письмо. И потому чрезвычайно важно, с какого первого слова научил нас молиться Сын Божий.

Отче! Отец!

Очень долгое время я не обращал внимания на это слово и не чувствовал его силы. Когда-то в школьном катехизисе, конечно, объяснялось оно, но вот каков печальный опыт: ни тогда, ни после оно не осталось в моём сердце как живое и постоянное чувство, и даже умственная память не толкала меня на внимание к этому чрезвычайному имени. Слово это было для меня почти мертвым, сухим, безжизненным... И я потом много раз задумываются: отчего это случилось и даже теперь случается? Отчего нужно употреблять усилие ума и внимания, чтобы хоть сколько-нибудь установиться и ныне на понимании, а главное – на сердечном чувстве этого драгоценнейшего слова, на ощущении его? А ведь это так важно: от первой установки сердца зависит вся молитва дальнейшая не только во мне самом, но и в отношении ко мне Бога.

Каковы мы, таков и Бог к нам: Он открывает Себя в меру нашей восприимлемости и нашего отношения к Нему. Отчего же это было и бывает со мною? Это вопрос не мой лишь, а очень многих. И, может быть, тут сказывается не только мое личное состояние духа, но и результат школьного воспитания, а кто знает – нет ли здесь даже и широкого влияния восприятия религиозными массами (русскими, греческими или иными) самого христианства? Так или иначе, но скажу, что с самого детства моего мне никто почти не говорил о Боге

как об «Отце»... Отец!... Да это значит, что Бог мне близок, как папа, мама – мои родители... Это значит, что Он любит меня с исключительной силою и нежностью... Это значит, что Он заботится обо мне, как и родители. И совсем кратко и сильно: Он – родной мне, а я – Ему...

Нет, никто не учил меня этому – ни дома, ни в школах...

Правда, говорилось и училось, что Бог есть Любовь. Но никогда не внедрили в моё сердце живого ощущения этой любви Его. Наоборот, с самого детства – представление о Боге как о Судии, Воздаятеле! И в таком духе воспитывались мы и в школах.

И припоминаю, что только при постриге в монашество, на 27-м году, я в молитвах и наставлениях постригаемому услышал, точно впервые, о необычайной любви к нам, монахам, Бога: «Всещедрый убо Бог и многомилостивый... рекий: аще бы и жена забыла исчадие свое, Аз же не забуду тебе... да восприимет, и обымет, и защитит, и да будет ти стена тверда... утешения вина (причина)... совозлегая и совосставая с тобою». Конечно, много раз слышал я слова о любви Божией умом, но до сердца они дошли точно в первый раз тогда.

А потом опять долгое время не помню живого отклика в душе, как об Отце...

О, я множество раз испытывал опыты милосердия Божия, но это было более близко к Милующему Судии, чем к Отцу... «Отец» – это было что-то до такой степени далёкое, немислимое, что сердце моё не смело даже и подумать по-

добное.

Отчего же нас так учили? Была ли это ошибка окружающей среды? Школы? Но тогда тоже ставится вопрос: почему они уклонились в такую ошибку, если то была ошибка? И была ли то «ошибка»? Или же тут была какая-то сокровенная правда, что мы больше думали не о Боге любви, а о Боге правды?

По этому вопросу мне приходят такие мысли. В православном восприятии христианства – а особенно у русского народа – всегда господствовало покаяние. И это происходило не от того, что русские были более грешны, чем иные православные и инославные христиане, а наоборот – от высоких требований христианского учения. Идеал Христов так высок и совершенен, что внимательная душа всегда будет недовольна своим состоянием, несоответствующим ему. Так чуткий музыкант мучается и от малейшего диссонанса, а рядовому слушателю и большие ошибки незаметны. Святые люди всегда почти считали себя великими грешниками. В этом духе и воспитывалась Православная Русь. Следовательно, это была не «ошибка», а глубокое восприятие христианства.

Мне припоминается случай из прошлого. Одному человеку была подарена икона с надписью: «Просите у Бога благодати». Казалось бы, что тут невозможного или неприемлемого? Просить о радости, о милости Божией? Но в ответ на это пожелание было написано: «Где уж мне просить о благодати? Вот хоть бы пощадил меня Господь, окаянную грешницу». И

это по-православному, по-русски. А она была совсем не какая-нибудь великая грешница, по мнению нашему, даже была – «жизни хорошей»: чистой, богомольной, скромной, терпеливой. И это покаянное восприятие христианства так вкоренилось в русские души православные, что нам совершенно неумоготу было переносить сектантские постоянные «благодарения» «дорогому Христу». Нам вообще было неприемлемо протестантское учение о «легком» спасении «верую».

Известно, что самую распространенную молитвою в православном богослужении являются два слова: «Господи, помилуй!» – Будь милосерд! «Боже, милостив буди мне грешному!» (слова мытаря). И вообще покаянные молитвы в частности, Давидовы псалмы, занимают весьма значительное место в приготовительных частях наших служб: на вечерни, на утрени, на часах, на домашних молитвах. И только на литургии Церковь поднимает нас на свою высоту «Евхаристии» (с греческого языка – благодарения, хвалы) – гимна Богу за спасение человечества, за восстановление сыновства людей Богу Отцу. Да, это так. Но таково воззрение Церкви, живущей духом Божиим, она в высоте своей достигла вершины славословия чадами своего Отца Небесного. Но ее немощные, слабые дети и доселе неспособны подниматься до такой высоты. Известно, что едва ли не большинство присутствующих на литургии верующих исполнены не чувства восторга и хвалы Отцу, а постоянным покаянным сознанием своего недостойнства и просьбами о прощении, помило-

вании да ходатайством о даровании им недостающего в земной жизни.

Отчего всё это так сокрушенно и грустно? Причина простая. Наша греховность, личное наше несовершенство не позволяет подниматься каждому из нас (за малыми исключениями) на высоту благонадежного торжества, а снижает нас всегда на покаянные просьбы. Потому мы, чувствуя себя всегда виновными, не смеем даже останавливаться на мысли об «Отечестве» Божиим по отношению к нам. Подобно ветхозаветным евреям, мы, недостойные, видим в Боге Судию, Всемогущего, Бога Сил, Воздаятеля, а не Отца своего. И от этого, а не от случайного или ошибочного воспитания в семье, школе и обществе и даже в Церкви, мы мало чувствуем это дорогое слово «Отец».

Трудно нам оно. Непосильно ещё. Мы – еще не настоящие дети Отца. Плохие дети. Впрочем, даже и хорошие дети не только лишь любят своего отца, не только ждут от него милостей, даров и нежности, но и боятся его. Правда, боятся совсем иначе, чем чужие дети или виновные боятся судью: боятся сыновним страхом, опасением потерять любовь своего отца. Но все же боятся – благочестиво боятся. И ангелы от страха закрывают свои лица пред величеством Творца. Но при всём том дети всегда сознают себя детьми своего отца и потому с надеждой, с доверием обращаются к нему.

Так и святые люди: пребывают и в страхе, но и в надежде на милосердие Отца Небесного. Даже не должно называть

это чувство «страхом», а скорее благоговением. Их страх – от святой высоты, а наш – от нашей низости; это два разных по качеству страха. И хорошо, что православные люди не дерзают, при своей греховности, возноситься на ступени сектантской фальшивой радости и постоянной хвалы «дорогого Иисуса», «дорогого Отца». Смирнее, справедливее, богоугоднее, легче, спасительнее, полезнее – покаянное чувство постоянного сознания своего недостойнства, чем самозначительного самодовольства и легкомысленного упования на «Отца». И верю, что такое покаянное православное настроение угоднее Богу Отцу, чем дерзкое напоминание Ему о своем сыновстве и Его Отечестве.

Припоминается мне старший сын из притчи Христовой о «блудном сыне»: воротившись с трудов (добрых дел) на поле (жизни), он с обидой ссылается на свою сыновнюю верность отцу, однако же недостаточно будто бы расцененную его отцом, а вот блудного сына, который недостойным считал себя даже и именоваться «сыном», а лишь просился в ряд последних рабочих наёмников, отец принял с распростёртыми объятиями и устроил ему пир.

Когда вот так рассмотришь всё это глубже, тогда поймёшь, что есть много оснований и святой правды в нашем покаянном сознании, как недостойных считать себя детьми Божиими, а лишь бы хоть оказаться неизгнанными совсем и быть принятыми в число последних наёмников.

Понятно становится, почему мы не чувствуем от всей ду-

ши этого чудного слова Молитвы Господней – «Отче» – «Отец». Мы, может быть, не только ещё не дети, но даже пока и не «рабы» Его, не наёмники, а блуждающие вдали от Отца, ушедшие и отрекшиеся от Него дети, живущие в грехах со свиньями. И подобно тому, как опустившийся душевно принц скрывает свое прежнее высокое происхождение от знатного отца, так и мы, грешные, не смеем даже и внутри своего сердца, пред собственной совестью, а тем более пред лицом Всевидящего Бога, именовать Его Отцом. Это самое высокое имя заставляет нас ещё более смиряться и нагибать повинно голову. Мытарь, стоя у стены храма, не смел даже поднять очей своих к небу и лишь бил в грудь себя и говорил: «Боже! (а не – Отче!) будь милостив мне, грешному!»

Но при всём этом справедливом объяснении нашего недостойнства, мы не должны и не можем забыть этого слова – Отец!

Почему же? Разве Господь не знал о нашей греховности, когда учил Своих учеников этому слову?

Знал. И далее Он открыто скажет в Своей молитве о «долгах». Молитву эту Иисус Христос дал грешникам. Слушали Его грешники. И тем не менее Он назвал Бога Отцом, уча и нас также именно называть Его во все века. И по одному этому мы не смеем отречься от данного поучения: Сам Бог так повелел.

Как же можно совместить указанное выше покаянное настроение с этим радостным и уповательным именем? Про-

сто. Совсем просто. Как бы грешны ни были мы, но Бог Сам в Себе всегда остаётся Любовью. Бог всегда пребывает к нам в отношении Отечества. Это Его неизменяемое свойство – если только мы добровольно не отречёмся от Него сами – как это случилось с бесами, бывшими ангелами. И если мы прибегаем к Нему, то Он тотчас же обращается к нам стороною Отечества. Это Его свойство. Такова первая причина этого слова.

А вторая заключается в Сыне Его Иисусе Христе.

До Спасителя человечество не смело именовать Бога Отцом, близким себе. Но когда Сын Божий принял на Себя грехи людей и принес Себя в искупительную жертву за них, этим Он исходатайствовал право именовать Бога Отцом, Аввою (Рим. 8, 15), а нас – детьми и Ему «братьями» (Евр. 2, 17; 3, 14). Таким образом в этом слове «Отец» сокровенно заключена идея искупления. Оно тогда ещё не совершилось, когда Господь говорил это. Но уже самое Его пришествие было началом искупления, и Он о будущем мог говорить уже, как о настоящем. Ещё при крещении Христа Отец сказал Иоанну: «Сей Крещаемый есть Сын Мой возлюбленный, о Нем же (через которого) благоволих», т. е. возвратил Свое отеческое благоволение к людям. И при рождении Его в Вифлееме ангелы пели пастырям: «Слава в вышних Богу... в человецех благоволение», конечно же, Божие. Ради Сына Единородного нам возвращено сыновство благодатное у Отца Небесного. Итак, и Сам в Себе, и ради Сына Искупителя,

Бог есть воистину Отец. Сын Божий повелел и учил так. И ради этого одного мы и обязаны, и можем именовать Бога Отцом Своим. И какое счастье заключается в этом слове!..

Обратимся немного вглубь истории. Еврейский народ, как и язычники, за грехопадение были лишены отеческой милости. И именовали Бога преимущественно словами «Правосудный Мздовоздатель». Но вот из уст Иисусовых эти же самые евреи, обыкновенные люди, рыбаки, рабочие, немногие вожди-фарисеи, слышат это новое имя: Бог есть Отец... Можно представить себе, каким радостным благовестием прозвучало для них это имя! И тем оно было сильнее, чем звучало непривычнее!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.